

Доклад 22.**Эсхатология русской идеи: «Мы на чистом энтузиазме за онтологические доводы здесь будем стоять до последнего»****Андрей Юрьевич Коробов-Латынцев**

Кандидат философских наук, офицер вооруженных сил Донецкой Народной Республики, начальник научно-исследовательского отдела Донецкого высшего общевоинского командного училища.

Мы на чистом энтузиазме за онтологические доводы будем сражаться до последнего

Эти слова произнес безымянный философ в балаклаве на подступах к Славянску в 2014 году, когда местные активисты сдерживали голыми руками Украинские вооруженные силы. Видео когда-то было выложено в интернете, но сейчас там его уже не найти (остались только фрагменты, на которые фоном наложена музыка из знаменитой композиции рэпера Эминема из фильма «Восьмая миля»). Наш враг не дремлет. Видимо, безымянный философ сказал нечто крайне важное.

Не знаю, остался ли в живых этот человек (если ты остался, дай о себе знать, брат), но он уже в 2014 году обозначил ту бытийную сторону Донбасской войны, о которой сейчас, спустя восемь лет, все заговорили на центральных каналах.

Война в Донбассе (или Донбасская война, официального названия в нашей историографии пока, увы, нет) явила собой очередной виток столкновения целых цивилизаций: западной цивилизации, которая находит свое завершение в глобалистском проекте, и русской евразийской цивилизации (по выражению А.С. Панарина, русской православной цивилизации, или Русского Мира). И не случайно, что о русской идее мы заговорили именно сейчас, в контексте нового витка мирового противостояния.

Это противостояние прежде всего идейное. Как и любая война, эта наша война свой исток имеет именно в мире идей. Это онтология войны: войны всегда начинаются из-за идей. Идеи, как говорил Лермонтов, создания органические, они стремятся к своей реализации. Кроме того, идеи состязаются. Они не существуют промеж собой в мире – они

существуют в пространстве агона, палестры, вечного состязания. И если человек, являющийся носителем какой-либо идеи и готовый эту идею отстаивать, встретит другого, человека, но носителя иной, противоположной идеи, то между ними неизбежно произойдет конфликт. Таковы онтологические основания войны: войны существуют постольку, поскольку существуют идеи. Тезис «нет войне», если его переводить на философский язык, будет звучать как «нет идеям». Или «нет идей» (соответственно с профессиональной философской точки зрения он абсолютно неприемлем). Философу сказать «нет войне» – все равно что расписаться в собственной профнепригодности.

Идей нет там, где они закончились. Либо где победила какая-то одна идея. Но пока в нашей человеческой истории еще не победила одна какая-то идея. Продолжается никогда не прекращавшееся противостояние идей, столкновение целых цивилизаций (если употреблять термин С. Хантингтона). Поэтому идет война, поэтому продолжается история. Вопреки мечтаниям/пророчествам/прогнозам Ф. Фукуямы.

Американского философа Фукуяму, написавшего знаменитую книгу «Конец истории», здесь победил русский (кстати, родом из Донбасса, из Горловки) философ Александр Сергеевич Панарин, написавший книгу «Реванш истории».

История взяла реванш, и сейчас на Донбассе мы отчетливо ощущаем поступь мировой истории. Мы воюем за историю, воюем за Победу. На самом деле все новые войны против России ведутся против нашей старой, нашей вечной Победы, которая Западу не дает покоя.

Эта Победа встроена в нашу онтологическую систему координат. Эта Победа бытийна – потому что это Победа бытия над небытием. Сейчас идет война за наше бытие. В Донбассе это бытие за восемь лет невероятно сосредоточилось, сконцентрировалось. Потому что бытие, по Достоевскому, только тогда и есть, когда ему грозит небытие. Более всего это небытие грозит нам сейчас именно на Донбассе – по которому из тысячи оружий сейчас стреляет террористическое государственное образование под названием «Украина», и именно поэтому Донбасс сейчас – точка сосредоточения русского бытия. Здесь и сейчас мы отстаиваем свою собственную онтологию. И об этом было сказано в самом начале, в 2014 году, безымянным философом в балаклаве у баррикад на подступах к Славянску: «Мы на чистом энтузиазме за онтологические доводы здесь будем сражаться до последнего».

Именно потому, что эта сказанная в самом начале конфликта фраза носит фундаментальный характер для объяснения всего происходящего, проведем ее философский разбор.

Еще раз эта фраза: «мы на чистом энтузиазме за онтологические доводы здесь будем стоять до последнего».

МЫ – кто такие «мы»? Надо полагать, что мы – это русские люди, так? Но ведь не только русские. Вместе с нами стоят и буряты, и чеченцы, и тувинцы, и башкиры, и все прочие народы нашей России-Евразии. И опять же – не все ведь скопом, а только определенная часть, которую можно обозначить термином «пассионарии», люди длинной воли, которые со всех уголков нашей России отозвались на зов и отправились в Донбасс защищать русский космос от хаоса, который надвигается сейчас на нас с запада. Мы – это те, кто откликнулся за Зов, кто внутренне тотально мобилизовался на защиту нашего бытия. Вопрос про «мы» – про нас, это вопрос не только о коллективной идентичности, но и вопрос о коллективной ответственности, которая следует из этой коллективной идентичности. Мы – русские люди, которые стали за право всем людям быть людьми, поэтому вместе с нами все народы Евразии, но и народы всех других континентов, которые так же, как и мы, хотят оставаться людьми и народами. Однажды легендарный командир бригады «Призрак» придумал такой девиз: «Я человек, со мной народ». Сейчас время этот девиз поднять на знамя, но несколько изменить: «Мы – люди, с нами все народы и всё человечество».

НА ЧИСТОМ ЭНТУЗИАЗМЕ – эти пассионарии, которые с 2014 года отправлялись в Донбасс отстаивать русский космос, зачастую не имели никакой поддержки от государства, никто им не платил, никто ничего не гарантировал. За Россию сражаются на чистом энтузиазме. Всегда так было: если ты решил воевать за Россию, не жди ниоткуда подмоги, рассчитывай на себя самого, на друзей и на Бога. Как говорят бойцы бригады «Призрак»: наши не придут, все наши уже здесь.

ЗА ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ДОВОДЫ – это принципиально важный момент. Онтологические доводы – это доводы от самого бытия, от почвы, от земли. Стоять за онтологические доводы – значит стоять за само бытие – против небытия. Понимать онтологические доводы значит понимать саму онтологию войны, ее укорененность в бытии. Это значит вместе с тем самому быть укорененным в своем бытии и быть способным отстаивать его перед лицом небытия.

ЗДЕСЬ – это в Донбассе, где русское бытие более всего сосредоточилось для решительного рывка в будущее. Русский Донбасс все эти восемь лет существовал в будущем, в которое теперь только предстоит войти отставшей от него остальной России. Топос Донбасса принципиально важен для новой России, которая через Донбасс излечивается от духовного недуга.

БУДЕМ – потому что «надежды наши на будущее велики», как писал А. С. Хомяков. И сейчас все еще велики. Россия ждет нас в будущем, Россия – это то, что нам предстоит.

СТОЯТЬ ДО ПОСЛЕДНЕГО – это русская эсхатологичность, настроенность на финальное Откровение, Апокалипсис. Стоять до последнего – это вечный пост, дозор, который не может быть окончен, пока есть Империя и есть ее рубежи, которые кто-то должен отстаивать, пусть даже на чистом энтузиазме, до последнего. До последнего солдата, до последних собственных сил, до последних времен, которые не придут до тех пор, пока не взят от среды удерживающий, катехон. Это русская историософия, задающая особую оптику на человеческую историю в эсхатологическом ключе.

Подобная оптика требует особых усилий для того чтобы ее применить к действительности, а тем более к русской действительности, к невыносимой русскости бытия.

У России действительно сложная история, примирить которую с самой собой и примириться с которой – непростая задача. Наверное, именно поэтому в русской философии всегда особый статус имела историософия, т. е. философия истории, поскольку одни лишь историки с русской историей не справляются.

Подобно тому как наше пространство требует особой онтологии, которая позволила бы осмыслить всю эту евразийскую ширь, лес, степь, имперскость и т. д., так и наше историческое время делает запрос на глубинную историософию, которая не просто дала бы интерпретацию происходящего или прогнозы о том, чего нам дальше ждать, но и осмыслила суть истории как таковой, ее направление, смысл и конечную цель. Конечно, на формирование этой черты нашей философии повлияла еще и христианская модель времени, которое линейно и стремится к своему финалу. Эта устремленность к концу, в котором будет обретен верховный смысл всех наших путей-мытарств и дано последнее откровение, свойственна в целом русскому народу, а не только русской историософии как профессиональной философской дисциплине. Эсхатологизм – очень русская вещь, которая едва ли понятна не только западному человеку, но и нашим восточным соседям. Помните, как у Андрея Платонова в «Чевенгуре»:

«– А вы мне что-нибудь про ихнюю идеологию расскажите, пожалуйста!»

– Ее у них нету, – сказал председатель комиссии. – Они сплошь ждут конца света...

– А ты им не говорил, что конец света сейчас был бы контрреволюционным шагом?»

На самом деле, этот наш русский эсхатологизм, который решительно непонятен и коллективному Западу (прочно укрепившемуся в земном бытии с его удовольствиями и комфортом), и нашему Востоку (имею в виду здесь народы, населяющие нашу Россию-Евразию), – именно этот наш эсхатологизм наделяет Россию имперским сознанием Катехона и позволяет России собирать воедино весь наш евразийский космос и отстаивать его интересы перед лицом коллективного Запада и вообще остального мира. Именно сознание принципиальной завершаемости человеческой истории, из чего следует наличие смысла этой истории (смысл имеет то, что имеет границу), позволяет России действовать в роли Катехона, т. е. совершенно особого актора в человеческой истории, который наделен миссией удерживать мир от падения в бездну и от которого зависит исход всей истории.

Евразийская историософия нисколько не противоречит онтологии Империи, скорее напротив – они очень даже сочетаются, образуя целостное понимание хронотопа Евразии в его соотношении с общечеловеческим макронарративом. Единство и многообразие евразийского космоса обеспечивается русским историческим сознанием, которое как важнейший элемент включает в себя ответственность за судьбы всего мира.

Бердяев писал, что русские тем более национальны, чем менее они националистичны. Россия, преследующая сугубо свои национальные задачи, перестает быть Россией, такой вот парадокс. Россия лишь тогда выполняет свои сугубо национальные задачи, когда преследует задачи вселенские. Собственно, вселенские задачи – это и есть наши национальные задачи. Народы Евразии оттого и следуют за нами, что видят в нас проводника некоей высшей справедливости, восстановителя космического порядка. Яркий пример этому – Донбасс. И буряты, и тунгусы, и калмыки, и башкиры, и чеченцы, и белорусы откликнулись на зов лишь потому, что почувствовали в этом зове нечто вселенское, а именно призыв встать против мировой несправедливости и восстановить правильный порядок вещей.

Значение нашей спецоперации в мировом масштабе не исчерпывается тем, что мы возвращаем себе свои исторические земли, хотя это вполне соответствует действительности: мы действительно возвращаем себе свои исконные земли. Но мы в то же время осуществляем нечто гораздо большее, чем локальная националистическая ирредента. Мы осуществляем великое русское исправление имен, мы приводим вещи в соответствие с их должным обликом. Соответственно, и СВО идет не только на территории террористического государственного образо-

вания под названием «Украина», но на гораздо большей территории, в том числе и на территории России, в том числе в пространстве ноосферы. Мы боремся не только с украинским неонацизмом, мы боремся с планетарной несправедливостью, от которой так устал мир.

Мы боремся с небытием – за бытие.

Мы боремся с наступающим постчеловечеством за человека.

С нами все народы, которые сражаются против мирового глобализма за то, чтобы оставаться людьми и народами.

Мы воюем за человека.

Мы воюем против врага человечества, который отец лжи. Против империи лжи.

Мы не можем не воевать за это всё.

Поэтому –

«Мы на чистом энтузиазме за онтологические доводы здесь будем стоять до последнего».

Работаем, братья.